

Е. Г. КАЗИМЯНЕЦ

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ В БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

(на материале русского и литовского языков)

Проблема выражения отрицания в различных языках как проблема грамматики издавна привлекала внимание лингвистов, однако единого мнения по данному вопросу не существует. Так, одни языковеды рассматривают отрицание как грамматическую категорию, другие считают его синтаксической категорией, третьи определяют отрицание как семантико-синтаксическую, четвертые просто как семантическую категорию. Несмотря на очевидную противоречивость в определении отрицания лингвистами, думается, можно выделить два принципиально различных подхода к дефиниции языкового отрицания: во-первых, определения отрицания через форму его выражения. Вторая точка зрения не получила широкого признания и наиболее последовательно представлена в работах К. Д. Дондуа.

Однако при анализе и изучении такой фундаментальной категории языкознания как отрицание уместнее было бы сочетать оба указанных пути исследования описания на основе комплексного подхода в направлении от значения к форме (и далее от функций к средствам) и от формы к значению (т.е. от средств к функции), осуществляемых на разных этапах анализа. Такая постановка вопроса позволит не только определить круг значений, объединяемых в языкознании понятием отрицания, и установить набор формальных средств его выражения в исследуемых, в частности русском и литовском, языках, но и исследовать их функционирование в речи.

Попытки определить содержание данной языковой категории неизбежно приводили исследователей к изучению понятия отрицания в логике, где отрицание рассматривается как элемент смысла суждения. В материалистической формальной логике отрицание определяется в терминах истины и лжи: отрицание истинного суждения есть ложь (ср.: *Неверно, что Иван любит Марью* или *Иван не любит Марью*). Кроме того, известен и другой способ различения утвердительного и отрицательного суждений по содержательному критерию наличия — отсутствия, бытия — небытия, существования — несуществования, присущности — неприсущности, совместимости — несовместимости и др.

В основе содержания языковой категории отрицания, безусловно, лежит логическое отрицание¹, и этот факт дает возможность рассматривать отрицание в лингвистике как универсальное явление, т. е. как категорию, имеющую место и обладающую общим планом содержания во всех языках, в том числе балтийских и славянских. Центром семантического поля данной категории можно считать значение несуществования (небытия), отсутствия или необладания каким-либо признаком. Кроме того, в круг значений языковой категории отрицания входят, с нашей точки зрения, и периферийные значения с отрицательной семантикой либо с отрицательными оттенками значения (такие модальные значения, как несогласие, возражение, опровержение, отказ, запрет, нежелание и т.п.).

Исследование показало, что русский и литовский языки располагают обширным набором средств выражения отрицания, представляющим систему взаимосвязанных единиц, относящихся к различным уровням языка: фонетико-фонологическому, грамматическому, лексико-семантическому. Именно комплексный подход к описанию данной категории позволяет объединить в единой системе эти разнородные языковые средства (частицы, приставки, местоимения, наречия, фразеологизмы и др.), которые в традиционном языкознании рассматриваются в разных частях грамматического описания — фонетике, морфологии, словообразовании, синтаксисе. Так, в русском и литовском языках при относительной идентичности средств выражения отрицания, являющейся следствием общности их происхождения, наблюдаются существенные различия в выборе этих средств для выражения одной и той же мысли. Напр.: *Vilniaus 47-osios technikos mokyklos auklėtiniai teoriją išmano, o praktikos trūksta. Воспитанники Вильнюсской 47-й технической школы теорию усваивают, а практики им не хватает. Turistai — ir tarybiniai, ir užsieniečiai, kad ir kokie nerūpestingi prieš tai atrode, palikdavo paminklus susimąstę. Туристы — и советские, и зарубежные, какими бы беззаботными перед тем они ни казались, оставляли памятники в задумчивости.*

Valdo motina nė girdėti nenorėjo apie tokia, kaip ji, marčią. Мать Вальдаса и слышать не хотела о такой невестке, как она.

В сопоставляемых языках отрицание может быть выражено специальными средствами (см. примеры выше) или же заключаться в самой семантике слова, фразеологизма, предложения, т.е. выражаться имплицитно. В соответствии с этим правомерно выделить два способа выражения отрицания: экс-

¹ Заметим, что несмотря на то что логическое и языковое отрицание сопоставимы, нельзя говорить об их полном совпадении. Отрицательные языковые формы далеко не всегда выражают логическое отрицание и наоборот, ср.: *trūkti* — нехватать; *udas* — недостаток, *pegyvas* — мертвый.

плицитный (формально выраженное отрицание) и имплицитный (когда отрицательный смысл передается без формальных показателей, напр.: *Про обыск ей избави бог знать!* Или *Saugok viešpatie, kad tik nesužinotų apie kratą.*

Имплицитное отрицание не находит прямого воплощения в узуальных лексических и грамматических значениях языковых единиц, составляющих высказывание, но извлекается из последнего при его восприятии. Для правильного восприятия отрицания, выраженного имплицитно, особое значение приобретают контекст, интонация, порядок слов, а также такие экстралингвистические факторы, как речевая ситуация и внеречевой опыт участников коммуникации. Так, в синтаксисе разговорной речи утвердительные по форме предложения могут использоваться в функции отрицательных. В этом случае отрицание может передаваться только интонационно, без употребления лексических и грамматических средств его выражения, иногда в сочетании с определенным порядком слов, наличием устойчивых словосочетаний, причем отрицание в таких конструкциях носит экспрессивный характер. В русских предложениях типа *Стану я тебе помогать!* Или *Как же, пойду я гулять!* и под., а также в аналогичных им конструкциях литовского языка, из экспрессивно-эмоциональной окраски недоверия, возражения вырастает как вторичное, косвенное значение — значение отрицания². Отметим, что в случае имплицитного отрицания, рассматриваемого на уровне целого предложения, контекст, порядок слов и интонация выступают как необходимые элементы семантической структуры предложения. Напр., и в литовском, и в русском языках отрицание может содержаться в вопросительных по форме предложениях, отрицательное содержание которых мотивируется именно особой интонацией, грамматической структурой, лексическим наполнением, а также контекстом: *Зима! Что делать нам в деревне? // Žiema! Ką veikti mums kaime? Нечего делать // nėra ko veikti).*

Однако случаи имплицитного выражения отрицания довольно редки — около 1,4 % всех зафиксированных нами примеров. Гораздо чаще отрицание в языке выражается формальным способом, что дает основание некоторым лингвистам говорить о том, что категория отрицания „маркирована“ относительно коррелирующей с ней категории утверждения, характеризующейся нулевыми показателями.

В литовском и русском языках набор формальных средств выражения отрицания в целом совпадает, и это дает нам возможность предложить общую для обоих языков классификацию этих средств, выделив четыре основные группы: фонетическую (куда относится отрицание, выраженное интонацией и

² Эти фразеосхемы легко трансформируются в модели с экспрессивным отрицанием: *Я и не собираюсь (и не подумаю) тебе помогать!* Или *Я и не собираюсь идти гулять!*

риторическим вопросом или восклицанием); грамматическую (сюда входят отрицательные частицы *не/не, ни/nė/nei*, предлоги *без/be*, русские предикативы *нет, нельзя* и соответствующие им литовские словоформы *nėra, negalima*, отрицательные местоимения и наречия); лексико-грамматическую группу средств выражения отрицания составляют приставки; лексическая группа представлена фразеологизмами, причем фразеологизм с отрицательной семантикой может иметь в своем составе формальный показатель отрицания (напр., отрицательную частицу или предикатив), а может и не иметь такового.

Идентичность средств выражения отрицания в исследуемых языках дает основание предположить и идентичность в использовании этих средств. В целях подтверждения данного предположения, выявления всех средств выражения отрицания в исследуемых языках и определения частоты их употребления нами был проведен анализ одного и того же художественного текста (объемом в 20 000 слов) на русском и литовском языках. Как показало исследование, реже всего встречается отрицание, выраженное фразеологической единицей. Случаи выражения отрицания при помощи фразеологизма составляют лишь 0,2 % от общего числа отрицаний, зафиксированных в тексте. Наиболее же употребительным является отрицание при помощи частицы *не* в русском языке и *ne* в литовском соответственно. Данные проведенного анализа представлены в таблице:

Средства выражения отрицания		В русск. яз., %	В лит. яз., %
Фонетические	1) Интонация	0,4	0,3
	2) Риторический вопрос и восклицание	1,2	1,1
Грамматические	1) Частицы	67,3 62,7 (не) 4,6 (ни)	70,3 64,4 (ne) 5,9 (nė, nei)
	2) Предлоги	3,4	3,4
	3) Предикативы	5,3	3,4
	4) Местоимения и наречия	6,6	6,1
	Лексико-грамматические	Приставки	15,6
Лексические	Фразеологизмы	0,2	0,2

Однако, несмотря на одинаковый набор языковых средств выражения отрицания (имеется в виду общая картина, так как полный список всех формальных средств выражения отрицания будет несколько различным, но данное различие не носит принципиального характера), полного совпадения в их употреблении в исследуемых языках не наблюдается. Это обусловлено тем, что каждый язык имеет свои грамматические закономерности и правила сочетаемости, имплицитное отрицание в одном языке получает формальное выражение в другом, редко наблюдается соответствие в переводе так наз. „двойного отрицания“, которое по сути дела является утверждением, поэтому зачастую переводчик сокращает двойное отрицание и вообще строит предложение, не используя средств выражения отрицания, хотя полностью сохраняя его содержание:

Ne беспокойся — Vĩk ramus (будь спокоен).

В основном несоответствия в использовании средств выражения отрицания, обнаруженные в ходе анализа данного текста, отмечаются в следующих случаях:

- 1) в конструкциях с усилительно-отрицательными частицами *ni/nė, nei* и словосочетанием *ни один (ни одна)*, частицей *даже*, и в значении ‘даже’;
- 2) при переводе отрицательных конструкций с предлогом или приставкой в русском языке;
- 3) в конструкциях с отрицательными местоимениями;
- 4) при переводе отрицательных предикативов;
- 5) в обобщенно-личных и некоторых других односоставных предложениях, а также в придаточных, вводимых союзом *пока* и отрицательной частицей при сказуемом;
- 6) в переводе устоявшихся словосочетаний.

Кроме перечисленных, в тексте имеется и ряд других несоответствий в средствах выражения отрицания, обусловленных нормами грамматики, стилистики, индивидуальными особенностями языка как автора, так и переводчика.

Итак, рассматривая отрицание как языковую универсалию, присутствующую во всех языках, отмечаем, что в русском и литовском языке существуют два способа выражения этой категории — эксплицитный и имплицитный. Оба языка обладают в целом идентичным набором средств выражения отрицания, представляющим собой систему взаимосвязанных языковых единиц, однако в использовании этих средств каждый язык имеет свои особенности.

THE WAYS OF EXPRESSING NEGATION IN BALTIC AND SLAVIC LANGUAGES

Summary

The paper is concerned with negation as the universality of language. The content of the given category is determined, and the two ways of its expression in the Russian and Lithuanian languages are observed: the expression of negation by using formal means and negation having no formal expression. The set of means for expressing negation has been worked out and the classification of these means is provided.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Булах Н. А. К вопросу о выражении грамматической категории отрицания в индоевропейских языках // Учен. зап. Ярославского пед. ин-та. 1957. Вып. 30.

Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М.: Наука 1983.

Дондуа К. Д. Грамматическое отрицание как проблема общего языкознания // Язык и мышление. М.; Л., 1948. Т. 11.

Новиков Л. А. К проблеме отрицания в современном немецком языке // Вопросы лексики, грамматики и фонетики немецкого языка. М., 1974.

Озерова Н. Г. Средства выражения отрицания в русском и украинском языках. Киев, 1978.

Кривонос А. Т. Языковые средства выражения отрицания // Филол. науки. 1985. № 1.